

УДК 349.6 : 343.771 : 639.1.05

А.А. Гартфельд

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ ОБ ОХРАНЕ ЖИВОТНОГО МИРА И БОРЬБЕ С БРАКОНЬЕРСТВОМ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ И СИБИРИ ДОСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В настоящей статье проанализированы обычно-правовые нормы о сохранности животного мира и борьбе с браконьерством в Приарктическом регионе досоветской России. Намечены пути предупреждения гибели животных и водных биологических ресурсов. Обобщен научный и практический опыт в этой сфере человеческой деятельности для использования его в современных условиях.

Ключевые слова: обычное (местное) право, незаконная охота, браконьерство, виды наказаний за незаконную охоту, безотходные технологии, сохранение животного мира и водных биологических ресурсов

В истории развития человек как высшее творение природы пользуется ее благами, поэтому он не может «не оглядываться назад», на деятельность предыдущих поколений. К сожалению, малоизученным остается исторический период становления и формирования принципов, лежащих в основе всего комплекса отношений «общество-природа», позволяющего выявить многие сегодняшние проблемы эколого-правовой политики Российского государства [17, с. 3]. Между тем эти проблемы обострились и требовали определенных путей решения на общегосударственном уровне, опираясь на исторический опыт [17, с. 3].

Настоящий период, именуемый «столетием окружающей среды», вызвал новые потребности для всестороннего исследования экологических проблем. Стремление к сотрудничеству представителями различных наук актуализируется всемирным кризисом окружающей природной среды, простирающимся от загрязненных вод индустриальных стран к беднейшим государствам мира: надвигающееся исчезновение миллионов разновидностей растений и животных, тысяч экосистем, полностью изменяющее достижения эволюционного развития, во многом связанных с водным кризисом в целом.

С учетом выше изложенного проанализируем обычно-правовые нормы в борьбе с незаконной охотой и рыболовством на территории Севера и досоветской Сибири. Малые народы Приарктической зоны оказались в сложной правовой ситуации. Их юридические обычаи – обычаи доклассового общества, получив санкцию государственной власти, как бы трансформировались в нормы обычного права. Такая трансформация явилась следствием включения

полупервобытных, в сущности, народов в классовое общество, и это не могло не отразиться на их юридическом быте [18, с. 65].

«Народы Севера стали объектом действия двух различных, находившихся в конфликте систем права – государственного и своего, местного права. В подобных случаях падал престиж и постепенно, но неуклонно сокращалась область применения последнего. Его отдельные нормы подвергались деформации и модернизации. Сами они обновлялись за счёт рецепции правовых норм, необходимых для регулирования новых отношений, возникавших в результате внешних контактов. В конечном счёте, это право, хотя и распространялось на большинство туземного населения, оказалось сведённым до уровня частного, исключительного права» [18, с. 150].

Сохранение традиционной юстиции не уберегало народы Севера от произвола и насилия чиновников, в том числе и судебных, ущемления прав и интересов со стороны скупщиков пушнины, рыбопромышленников, зажиточной части русского и коми населения. Иначе говоря, общинное право народов Севера, регулируя внутренние отношения, было бессильно защитить их от посягательств извне. Покровительство правительства мало что значило на месте - в дебрях тайги и на безбрежных просторах тундры [19, с. 151].

Применение двух правовых систем требовало разграничения сфер их действия. Первоначально такого разграничения не существовало, только в 20-х гг. XVIII в. были предприняты попытки расчленить сферы действия закона и обычая. Однако разграничение не имело чёткости, проводилось непоследовательно и постоянно нарушалось чиновниками, вмешивавшимися в юридические конфликты народов Севера.

Доправовую юридическую культуру народов Севера отличала архаичность форм, меньшая степень развитости по сравнению с обычно-правовым институтом древних народов, отразившим отношения уже классово-дифференцированного общества. В ней фиксировалось отсутствие частной собственности на землю, водные пространства, промысловые и пастбищные угодья, некоторые средства производства, отмечалось социальное равенство людей. В то же время это культура дифференцированного по-своему общества. Она различна, хотя и не в резкой форме: общественное положение людей (князец, старшина, рядовой общинник) наделяло разными правами разные возрастные группы, старожилы и новосёлов, учитывались системы родства, определявшие порядок наследования [19, с. 151].

Обычное право различных народов – это в значительной степени право отдельных групп и общин, индивидуум получал признание только через принадлежность к определённым коллективам. Солидарность общества ставилась в нём выше индивидуальных интересов его членов, за которыми не при-

знавалось, собственно говоря, никаких прав. Функция обычного права состояла отнюдь не в охране и признании прав субъекта, а в обеспечении сплочения группы, в поддержании согласия и взаимопонимания в отношениях между её членами [19, с. 108].

«Отсюда примирительная направленность общинного права; в основе его лежала идея примирения и арбитража, а не идея права как таковая, в нем большее место занимали нормы простой справедливости. Общинное право народов Севера претерпевало известные изменения, глубина которых, как правило, зависела от продолжительности и интенсивности контактов с русским населением» [19, с. 67].

Другое изменение заключалось в постепенной консолидации разрозненных, нечетких юридических обычаев народов Севера в более или менее определенные нормы, свойственные общинному праву народов, ушедших далее в своем развитии. Однако разложение традиционных институтов, ослаблявших нравственные нормы, породило преступления против собственности и личности. По архивным данным, у кочевников-оленоводов преобладали уголовные дела, большую часть которых составляли кражи оленей, у охотничье-рыболовецкого населения – гражданские дела [18, с. 108].

Сказанное выше будет далеко не полным, если не обратиться к обычно-правовым нормам, регулировавшим отдельные сферы человеческой деятельности («отрасли» обычного права). Самоеды охотились на зверя в тундре, в лесах и на море. Выгодными промыслами морских зверей «они занимаются мало, так как русские заняли все лучшие промысловые места как на Канинском и Тиманском берегах, так и около Югорского шара. Русские берут Самоедов в рабочие как отважных и искусных охотников, но, разумеется, тогда все выгоды промыслов переходят в руки русских» [20, с. 68].

В тундре Самоеды ловили песцов и лисиц. Но и здесь им мешали русские и зыряне, которые также промыслили в тундре зверя. Их неразумный подход к ведению охоты приводил к истреблению зверя. Так, русские вынимали из нор щенят лисиц, чтобы выкормить их дома. А это существенно сказывалось на уменьшении числа этого зверя в тундре. «Ещё сильнее истребляют песцов Зыряне: живя в тундре только до осени и не имея нужды шадить интересы Самоедов, они не выжидают того времени, когда песец побелеет и сделается выгодным для охоты, а истребляют его в первом возрасте, пока он не имеет ещё большой ценности, к тому же истребляют, выкуривая его из нор, а из таких выкуренных нор песец тотчас удаляется и не возвращается в них более. Самоеды, чтобы получить хоть что-нибудь, подражают Зырянам, хотя хорошо понимают всю разорительность такого способа охоты, грозящего полным истреблением зверя в тундре» [19, с. 72-73].

Предметами завладения у корелов бывали чаще всего сенокосные участки, пахотная земля, рыболовные места в реках и т.п. Завладение происходило, во-первых, «вследствие задолжания одного лица другому; во-вторых, при разделе земель и вообще таких предметов, которыми пользовалось всё общество». Здесь «очевидно действует право сильного, то есть кулаков и мироедов» [18, с. 114]. У лопарей имели место захваты различных угодий: озерных, речных рыбных и звериных. Эти захваты разбирались в том мире-погосте, в котором находился виновник захвата, по заявлению законного владельца [20, с. 114].

Подводя итог сказанному о способах приобретения права собственности, кратко остановимся на экономической форме деятельности народов Севера. Важное место в экономике этих народов принадлежало охотничьему промыслу и рыбной ловле. Они давали не только пищу и материал для изготовления одежды, но и пушнину, служившую основой меновой торговли. Для некоторых из них этот промысел являлся главным источником существования. У народов Севера имелся тщательно разработанный институт охотничьего и рыболовного права, нормировавший все существенные его случаи, в том числе и право на охотничью и рыболовную территорию.

Наиболее древняя норма его не признавала не только частной собственности на землю и леса, а, следовательно, на охотничьи и рыболовные угодья, но и прав исключительного владения ими. Она сохранялась вплоть до новейшего времени везде, где не изменялась заметным образом плотность народонаселения. В качестве основного принципа обладания той или иной территорией, как указывалось выше, выступал труд, затраченный на освоение земельного или водного участка. «Для получения права собственности на охотничьи угодья у коми и других народов Севера было достаточно поставить охотничью избушку («вёр керка») в неосвоенной ещё никем местности и пометить затесами со знаком собственности («пас») путики.

С этого момента весь участок леса или водного участка, очерченный путиками, признавался собственностью промысловика. Он получал единоличное право добычи пушного зверя и дичи в своём угодье и ловли рыбы в водоёмах, находившихся на его территории. Неофициальные права на охотничьи угодья, полученные промысловиком после устройства путиков, становились неоспоримым законом для остальных охотников, воспрещавшим появление на этом участке с целью добычи кому-либо, кроме хозяина угодья и членов его семьи» [14, с. 167].

Охотничье или рыболовное угодье после смерти его владельца переходило по наследству по нисходящей родственной линии, как правило, к младшему сыну хозяина угодья, остававшемуся обычно в родительском доме по-

сле женитьбы. Он становился владельцем отцовского «паса». Другие сыновья по достижении совершеннолетия и женитьбы приобретали (осваивали) незанятую никем охотничью или рыболовную территорию [18, с. 79].

Такой же порядок наследования охотничьего или рыболовного угодья был у коми-пермяков [23, с. 222], у хантов [15, с. 188-189], у марийцев и вепсов, в основном таким же образом регулировался обычным правом в Поволжье и на Европейском Севере, Сибири [3, с. 14-15]. Однако это совсем не означало отсутствия всяких правил пользования охотничьими угодьями. Охота или рыболовство разрешались всем и везде при условии, чтобы никто не мешал друг другу, чтобы никто не мог претендовать на занятые кем-либо угодья.

«Вместе с тем у жителей каждого селения имелась своя промысловая территория, имелись свои охотничьи или рыболовные угодья (урманы), право пользования которыми принадлежало только им, как первым освоителям этих угодий. Со временем на этой территории стали выделяться места, право охоты или рыбной ловли на которых принадлежало отдельным семьям, поставившим там свои ловушки. Это ещё не делёж угодий на участки, речь шла именно о местах, где поставлены охотничьи или рыболовные снасти (ловушки). Право охоты на определённое место (и время) оставалось в руках определённого человека, что означало отход от традиции, но это право, являвшееся не правом собственности и владения, а лишь правом пользования, не было ещё и безусловным. Оно признавалось и за другими, но с известным ограничением – лишь с согласия первопользователя» [18, с. 79].

Рациональные правила по охране зверей содержались, прежде всего, в правилах промысла, усиливавших порядок и технику изъятия животных или рыбы из поставленных ловушек. Основу при этом составляли правила пользования охотничье-промысловыми угодьями, водными территориями, что чётко прослеживалось при промысле бобров. Так, например, «в якутских наслеггах и улусах дореволюционного периода вопрос об охотничьих угодьях с целью распределения их между жителями специально не рассматривался, что, однако, не означало отсутствия права исключительного пользования теми или иными угодьями у отдельных лиц. Каждое охотничье-промысловое место связывалось с именем отдельного человека, говорилось даже о принадлежности ему места промысла» [6, с. 109].

Конфликт между жиганскими якутами и кочевыми жителями «бродячих» родов имел давнюю историю. Еще в 1831 г. жители Жиганского улуса жаловались, что старшина Шологонского рода Вилюйского округа «в немалом числе душ родовичей своих в семи юртах» прикочевал к местам Жиганского улуса и причинил следующее, как сказано в жалобе, «разорение»: на

великом пространстве «выжжено огнем оленных кормовищ, засек для поставучных лугов на дикого оленя и пастей для пушного зверя, построенных в немалом количестве, сверх того, преждевременно опромышлены все означенные места в облинявшей птице, доставлявшей местным обывателям запас для зимнего продовольствия и разорением гнезда волков и лисиц, из коих выкапывая детей их, убивали и самих матерей, несмотря, что все сие в то время не могло приносить им ни малейшей пользы» [19, с. 80].

По словам одного старожилы, баи промысловыми участками «владели с давних времён. Имели границы, которые обозначали зарубками на деревьях. Уважали эти границы, не нарушая их. Не принято было без крайней нужды посещать владения других лиц» [2, с. 61].

Таким образом, можно однозначно заявить, что частный характер владения промысловыми угодьями не вредил делу охраны животных и водных биологических ресурсов. В Кытанахском наслеге Чурепчинского района есть алас «Боттиэмэлээх» с озером посередине. В дореволюционное время сенокосные угодья этого аласа находились во владении тойона В.Н. Собакина. Тойон обладал также правом исключительного пользования и озером. Никто не смел там охотиться, рыбачить и даже собирать в окрестностях утиные яйца. По воспоминаниям старожилы наслеге, в этом озере ежегодно гнездились турпаны [7, с. 28].

Так же поступали якуты и по отношению к окружающему животному миру. В этом плане особенно интересны обычаи якутов, касающиеся промысла речных бобров – редких в условиях Якутии второй половины XIX в. животных. «В тех местностях, где сохранились ещё речные бобры, - читаем у Н. Захаренко, – якуты очень заботятся о сохранении дорогих зверей, и правила, установленные для охоты за бобрами, указывают, что охотники относятся к ним почти как к домашним животным... Старых бобров убивают только в крайних случаях, когда надо заменить одну пару производителей другою...» Далее: «...охота за чужими бобрами в глазах якутов считается одним из самых непростительных грехов, да и сам хозяин не имеет права начать охоту за приплодом раньше установленного срока» [6, с. 110].

Запрещалось поблизости от жилища бобров промышлять другого зверя с собакою или ставить на реке рыболовные снасти из опасения неумышленно повредить зверя... Обыкновенно в вылавливании каждой пары участвуют не только ее владельцы, но и хозяева остальных пар... Главный вопрос при определении порядка охоты заключается в том, чьих бобров будут выбивать раньше. Как говорят, весьма важно пораньше оставить старую племенную пару на покое и дать ей собрать запасов на зиму [4].

«Неприкосновенность чужой промысловой территории, находящейся под защитой норм обычного права, строго соблюдалась всеми охотниками. Освоение территории, смежной с занятой угодьями, допускалось только с разрешения соседей. Нарушение права собственности на охотничью территорию влекло за собой разгром вновь устроенных «путиков», поджог сооружённой в пределах чужого угодья избушки и т.п. Подобные меры борьбы с нарушением права личной собственности, не имея под собой основы со стороны официальной юриспруденции, пользовались полным одобрением местного населения» [12, с. 170-171].

«Охотник, пойманный с поличным во время промысла в чужом угодье, подвергался наказанию и немедленному изгнанию с чужой территории. Иногда, правда, крайне редко, даже случались убийства на этой почве» [25]. В качестве наказания, в частности, на Верхней Вычегде было распространено изъятие всей добытой незаконным путём дичи и пушнины, а по окончании охотничьего или рыболовного сезона виновный приносил охотнику, границы угодья которого он нарушил, «парту» водки, после чего следовало примирение [19, с.171].

По данным Н.Д. Конакова, «на Вычегде и Печоре существовала такая мера наказания, как распятие виновника: ему привязывали руки к концам палки, пропущенной через рукава сукмана, и в таком виде отпускали домой. Добраться до жилья с распостёртыми в стороны руками, с большим трудом пробираясь между деревьями, было сложной задачей, особенно зимой [14, с.173]. Над злостными похитителями чужой добычи устраивалась расправа, называемая «саро пуктом» (воцарение). Виновников в похищении чужой добычи сжигали живьём в собственных избушках или прищемляли связанного и раздетого догола вора-охотника за волосы в расщепе стоящего дерева и так оставляли [10, с. 98].

При охоте в звероловных или рыболовных угодьях, являвшихся общественной собственностью, преимущественное право на производство охоты принадлежало артели или отдельному промысловому, которые первыми в охотничьем сезоне начали промысел в этом угодье. Если в промысловом угодье встречались две охотничьи артели, то преимущественное право оставалось за той из них, которая раньше соорудила шалаш для ночлега, или если он находился ближе к месту предстоящей охоты [26, с. 460]. Такое же право существовало у русских охотников в Сибири [16, с. 46].

Вместе с тем у каждого народа Севера и Сибири были выработаны свои права охотников на добычу. Имелся тщательно разработанный институт охотничьего права. Так, у сибирских народов от реки Оби до Охотского побережья действовал обычай, согласно которому раненый зверь доставался

тому, кто его ранил, и легко раненный – тому, кто его добивал. Этот же обычай действовал и у морских зверобоев: морж доставался тому, кто его тяжело ранил, если же он ускользал, то тому, кто его добивал, если же стреляло несколько человек, то зверь доставался тому, кто нанёс смертельный удар [1, с. 96].

Промысловому населению Якутии было известно также, какая жестокая борьба за существование происходила в природе. Отсюда правило: подранил животное – должен добить, ибо оно идёт на верную гибель, пропадёт без пользы и для людей, и для природы. К тому же, если это животное хищник, то это опасно и для людей. Поэтому одним из фауносберегающих обычаев охотников Якутии являлось стремление промыслять «без брака», применять оружие только в случаях верной добычи. В переводе на язык современной экологии это было своеобразным стремлением к безотходному и малоотходному производству. Так, у аборигенных народов Сибири на десять выстрелов из винтовки допускался один промах. По словам очевидцев, тунгусы из винтовок стреляют «неимоверно метко: пуля ... никогда не пропадет даром» [12, с. 174-175].

Известны слова К. Маркса о том, что всякая экономия сводится в конечном итоге к экономии времени. Однако в случае с подраненным животным усилия охотников не сводились ни к экономии средств, ни к экономии времени. И средства, и время могли расходоваться до тех пор, пока охотник не добивал животное, даже если требовались многодневные усилия, десятки выстрелов [12, с.174-175].

Малоотходное и безотходное производство – это неперенное требование народной экологии. Вырубит якут-крестьянин дерево – использует всё: кору аккуратно сдерёт - она пригодится в качестве покрытия чего-либо, аккуратно сложит сучья, ветви – они пойдут на топливо. Забьёт скот - ничего не выбросит: ни крови, ни потрохов, даже рога, копыта и хвост находили применение.

Отсюда и стремление к усовершенствованию самоловных орудий промысла – к повышению «их уловистости». В частности, применение так называемого хандаа – коромысла, которое поднимало попавшего в петлю зайца вверх, в воздух – объяснялось не только предохранением добычи от хищных зверей и птиц, но и тем, что в этом случае зверь, потеряв опору, не мог уйти из западни.

Число самоловных орудий у народов Якутии достигало многих сотен тысяч. Так, по сведениям начала 1820-х гг. у русских жителей низовьев Колымы было более 7 500 песцовых пастей. По данным середины XIX в., жители Жиганского улуса имели 9 520 пастей. Переписью 1917 г. у охотников

трех южных округов Якутской области было зарегистрировано 184 956 ловушек. В северных округах Якутии по переписи 1926 г. было 235 130 ловушек, из которых 212 942 принадлежали якутам [24, с. 22].

Устройство пастей (песцовых), которыми пользовались охотники Колымы, приводило в восторг Ф.П. Врангеля и Ф.Ф. Матюшкина. Последний, отметив «глубокомысленность» изобретений, пришел к выводу, что «...те, которые думают, что народы-звероловы принадлежат к самому необразованному классу людей, кажется мне, очень ошибаются...» [5, с.393]. Следует, однако, отметить, что при той организации промысла, которая существовала в дореволюционной Якутии, во время промысла пропадало огромное количество мехов по причине потравы попавших в ловушки зверей другими зверями. Особенно на севере, в песцовых местах, где частые эпизоотии, другие стихийные бедствия лишали охотничье население транспорта (оленьего и собачьего). Тем самым охотники часто лишались возможности регулярно осматривать ловушки [18, с. 86].

По сведениям М. Константинова известно, что когда из 70 попавших в пасти песцов нередко вынималось только 11 целых. Он же приводил сообщения, согласно которым в 1915 г. было уничтожено около 75% попавших в пасти песцов. Конечно, это – крайние случаи. По более выверенным сведениям переписи 1926 года, гибель от потравы достигала 20 - 30% [11, с. 19].

«Ввиду таких огромных и наблюдавшихся не только в Якутии потерь при охоте самоловными орудиями охотоведы России конца XIX – начала XX вв. относили «разного рода автоматические приборы для ловли зверей и птиц, каковы: силки, петли, пасти, слопцы, капканы, черканы, ямы...» к губительным приёмам охоты» [6, с. 115]. При этом одним из основных путей сокращения этих потерь считали усовершенствование охотничьих ружей: «Когда в руках у населения будет хорошее, вполне отвечающее своему назначению оружие, тогда возможно будет строго следить, чтобы не употреблялись всякие капканы, петли, силки и т.п. орудия истребления дичи» [13, с. 777].

Охотничье огнестрельное оружие, как более совершенное и более производительное, в руках сознательного охотника действительно становилось орудием бережного отношения к животным, о чём выше мы говорили на примере стремления охотников Якутии применять оружие только в случаях верной добычи. Кроме того, охотник с ружьём мог выбирать добычу, не трогая самку, молодняка, зверя с детёнышем и т.д.

У многих народов Севера прослеживался обычай, обязывавший охотника делиться первой добычей с другими; нарушение его влекло за собой утрату охотничьего счастья (везения, удачи) и осуждалось общественным мнением.

По мнению учёных, «ещё недавно существовал обычай надления частью добычи при возвращении с охоты и рыбного лова престарелых соседей, а также каждого, кто оказывал хоть какую-то помощь промысловику, встретив его при выходе на берег: помог при выгрузке лодки или донёс до дому часть добычи, снасть или другую вещь»[22]. При коллективной охоте на медведя право на долю в добыче имел каждый, случайно оказавшийся на месте охоты до того момента, как с медведя не была полностью снята шкура, хотя он и не принимал участия в убийстве зверя [21, с. 348]. Такие обычаи характерны и для народов Сибири. Так, по эвенкийскому обычаю убитый охотником зверь вместе со шкурой передавался в распоряжение жителей стойбища [7, с. 20].

Аналогичный обычай существовал у тувинцев, тофаларов и других тюркоязычных народов, согласно которому любой встречный мог крикнуть охотнику на промысле или по пути домой «Ужа!» и получить часть добычи. Право на мясо, жир и шкуру кита имело не только всё население посёлка, но и жители других мест, если они оказывались поблизости. В дележе мяса и жира белого медведя, тюленя принимали участие все, кто хотел. Охотничья добыча делилась между всеми при голоде или недостатке продовольствия [1, с. 96].

Сказанное дает основания полагать, что изучение народных обычаев северных народов имеет как практический, научный, так и историко-правовой интерес, что объясняется двойственностью содержания норм обычного права. С одной стороны, эти нормы отражают в себе совокупность представлений о правде, с другой – они бережно, как в некоей заповедной кладовой, хранят в себе следы стародавних отношений и взглядов, живущих в народных массах как воспоминание о чём-то уже утраченном, но, тем не менее, народу дорогим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельские губернские ведомости. 1849. N 13.
2. Багдарын Оюлбэ (Иванов М.С.) Мэнэ ааттар (Вечные названия). Якутск. 1979.
3. Бикбулатов Н.В. Минорат: Проблема происхождения и исторического места в системе социальных институтов //Этнография Башкирии. Уфа. 1976.
4. Восточное обозрение. 1883. 28 апреля (17).
5. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. М. 1948.
6. Гартфельд А.А., Молчанов Б.А. Ответственность за незаконную охоту В истории России досоветского периода. Монография. М. Science. 2016. 191 с.
7. Гапанович И.И. Камчатка: население, хозяйство. Владивосток. 1926.
8. Жеребцов Л.Н., Лащук Л.П. Этнографический уклад населения

Верхней Вычегды. ИФС.1960, вып. 5.

9. Захаренко Н. Пушное хозяйство Якутии. Якутск. 1922.

10. Иванова Ж.Б. Религиозные и обычно-правовые воззрения на охрану природы Северной России. Монография. 14.8 п.л. Сыктывкар. 2013.

11. Керцелли С. О типе ружья или более пригодного для северного промышленника //Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск. 1911. № 11.

12. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX-начале XX века. М. 1983.

13. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX-начале XX века. Томск. 1977.

14. Налимов В.П. К этнологии коми. КМ. 1924. № 3.

15. Молчанов Б.А. Законодательство об охране природы Европейского Севера России XVIII-начала XX вв. Дис. докт. юрид. наук. Саратов. 2002. 301 с.

16. Молчанов Б.А. Закон и обычай в охране природы Северной России. Архангельск. 2001.

17. Молчанов Б.А., Савин А.А. Законодательство об охране водных живых ресурсов Северной России. Ковров. Монография. 11.39 п.л.

18. Молчанов Б.А. Человек и природа в традиционном правосознании народов Северной России. Монография. 12.55 п.л. Архангельск. 1998.

19. Русанов В.А. Статьи, лекции, письма. М.:Л., 1945.

20. Сидоров А.С. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян. НКФАН, ф.1, оп.13, д.14, л.5.

21. Смирнов И.Н. Пермь: Историко-этнографический очерк //ИОАЭИ. 1891. Т. 9. Вып. 2.

22. Терлецкий П.Е. Пушной и охотничий промысел //Советский Север. 1931. № 7-8.

23. Тобольские губернские ведомости. 1860. № 10.

24. Черкасов А.А. Записки охотника-натуралиста. М. 1962.

A. A. Hartfield

Russian University of friendship of peoples, Moscow, Russia

THE USUAL LEGAL RULES ON THE PROTECTION OF WILDLIFE AND COMBAT POACHING IN THE EUROPEAN NORTH AND SIBERIA PRE-SOVIET RUSSIA

In this paper we analyze rules of customary law on the preservation of wildlife and combat poaching in the Arctic region in pre-Soviet Russia. The ways of prevention of death of animals and aquatic biological resources. Generalized scientific and practical experience in the field of human activities for use in modern conditions.

Key words: customary (local) law, illegal hunting, poaching, penalties for illegal hunting, waste technologies, the preservation of fauna and water biological resources.

Поступила в редакцию 25 января 2018